

ническую смерть тридцати шахтеров-героев. И если для этой мести потребуется моя жизнь — я отдам ее без минуты колебания.

Если же я нарушу эту священную клятву под пытками ли или из-за трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей. Кровь за кровь! Смерть за смерть!»

После Радик Юркин рассказывал:

— Олег Кошевой выстроил всех нас, будущих молодотвардейцев, и обратился к нам с коротким словом, в каком вспомнил о боевых традициях Донбасса, о героических подвигах донбассовских полков, которые вели в бой Ворошилов и Пархоменко, об обязанностях и чести комсомольцев. Слова его звучали не громко, но твердо, и так воодушевляли, что каждый из нас готов был хоть сейчас идти в бой.

«С молоком матери мы впитали в себя любовь к свободе, к счастью, и никогда немцам не поставим нас на колени! — говорил Кошевой. — Мы будем драться, как дрались наши отцы и деды, до последней капли крови, до последнего вздоха. Мы пойдем на муки и смерть, но с честью выполним свой долг перед Родиной».

Потом он вызывал нас из строя по одному для принятия присяги.

Когда Олег назвал мою фамилию, меня еще сильнее охватило волнение. Я ступил два шага вперед, повернулся лицом к товарищам и застыл на месте. Кошевой вполголоса, но очень четко начал читать текст присяги. Я за ним повторял. Закончив, Олег подошел ко мне, поздравил от имени штаба с принятием присяги и сказал:

«Отныне твоя жизнь, Радик, принадлежит «Молодой гвардии» и ее делу».